

мыслящую, чтобы могла производить писателей и создать письменность. Постепенное политическое развитіе Польши идетъ рядомъ и съ культурнымъ развитіемъ, и это развитіе опережаетъ не только развитіе, но даже и начало польской письменности. Но съ расширеніемъ политическаго горизонта начинаетъ также расширяться кругозоръ мысли и науки. Литературы нѣтъ, но скромная и скоро заброшенная Казимірова школа преобразуется въ университетъ, который подготовилъ Поляковъ къ литературѣ. Университетъ сдѣлался живымъ звеномъ между Польшей и европейской образованностью и наукой. Первые произведенія, которыя смѣло можно причислить къ польской литературѣ, приходятся на время перелома среднихъ и новыхъ вѣковъ. Писаны они не на польскомъ языкѣ, но это сочиненія, появившіяся изъ вполне сознавшей себя польской мысли, имѣютъ стремленія и характеръ ясно польскій и полнѣйшую связь съ тогдашнимъ положеніемъ польскаго народа. Хотя они и писаны на чужомъ языкѣ, но это плоды польскаго духа и начало польской письменности. Первымъ произведеніемъ этого рода слѣдуетъ считать *Tractatus de potestate papae et imperatoris respectu infidelium*— Павла Владиміровича изъ Брудзева, вторымъ *Tractatus contra cruciferos Regni Poloniae invasores*— Генриха изъ Бржезя, оба они опережаютъ третій болѣе ихъ важный, отъ котораго обыкновенно и ведется начало польской политической литературы— это трактатъ Остроорога *Monumentum pro Reipublicae ordinatione*. Эти произведенія были первыми, рожденными уже чисто польскою мыслью, а потому и первыми, которыя смѣло можно включить въ польскую литературу. Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ, какое оставилъ намъ XV вѣкъ, слѣдуетъ считать Исторію Длугоша. Современная Длугошу нѣмецкая историографія стоитъ далеко ниже его какъ по методу, такъ и по формѣ. Французская и итальянская мемуарная исторія стоитъ выше Длугоша и искусствомъ изложенія и тонкостью чутья, но субъективизмъ и тенденціозность Длугоша въ сравненіи съ ними окажется голубиною невинностью. Ежели же мы примемъ во вниманіе громадность труда Длугоша, то напрасно бы мы искали во всей литературѣ XV ст. памятника, который могъ бы достойнымъ образомъ стать рядомъ съ нимъ. Ни одинъ народъ не дождался въ то время своей исторіи такого значенія, какъ исторія Длугоша. Гдѣ нашелся такой историкъ, гдѣ историкъ всё дѣла своего народа не только привелъ въ порядокъ и ихъ описалъ, но и писалъ въ духѣ того народа и разсматривалъ съ точки зрѣнія его нуждъ, пользы, его заслугъ и ошибокъ, тамъ уже существуетъ народная